Вор / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Вор / рассказ ВОР

— Да говорю же вам, что этому никто не поверит.
— Все равно расскажите.
— Охотно. Но прежде всего я должен уверить вас, что история эта правдива во всех своих подробностях, какой бы невероятной она ни казалась. Одни художники не удивились бы ей, особенно старые художники, знавшие эту эпоху безумных шаржей, эпоху, когда дух шутки свирепствовал до такой степени, что неотступно преследовал нас даже при самых серьезных обстоятельствах.
И старый художник сел верхом на стул.
Дело происходило в столовой гостиницы Барбизона.

— Итак, — продолжал он, — мы обедали в тот вечер у бедняги Сориеля, ныне умершего, самого отчаянного из нас. Обедали только втроем: Сориель, я и, кажется, Ле Пуатвен; но не решаюсь утверждать, что это был он. Говорю, разумеется, о маринисте Эжене Ле Пуатвене, также умершем, а не о пейзажисте, благополучно здравствующем в расцвете таланта.
Сказать, что мы обедали у Сориеля, — значит удостоверить, что мы были пьяны. Только Ле Пуатвен сохранял еще разум, правда, слегка отуманенный, но еще ясный. В то время мы были молоды. Растянувшись на коврах в маленькой комнатке, смежной с мастерской, мы вели сумасбродную беседу. Сориель, развалившись на полу и положив ноги на стул, толковал о сражениях, разглагольствовал о мундирах времен Империи; внезапно он поднялся, достал из большого шкафа с бутафорскими принадлежностями полную форму гусара и надел ее на себя. Затем он принудил Ле Пуатвена переодеться гренадером. А так как тот противился, мы схватили его, раздели и всунули в огромный мундир, в котором он совершенно потонул.
Я оделся кирасиром. Сориель заставил нас проделать какое-то сложное передвижение. Затем он воскликнул:

— Так как сегодня мы рубаки, то будем и пить, как рубахи.
Пунш был зажжен и выпит; затем пламя вторично вспыхнуло над миской с ромом. Мы распевали во всю глотку старые песни, те самые песни, которые когда-то горланили солдаты великой армии.
Вдруг Ле Пуатвен, который, несмотря ни на что, еще владел собою, заставил нас умолкнуть и после нескольких секунд молчания сказал вполголоса:
— Я уверен, что кто-то прошел по мастерской.
Сориель, с трудом поднявшись, воскликнул:
— Вор! Какое счастье!
Потом затянул Марсельезу:

Сограждане, на бой!

И, устремившись к шкафу с оружием, он снарядил нас соответственно нашим мундирам. Я получил что-то вроде мушкета и саблю, Ле Пуатвен — огромное ружье со штыком, сам же Сориель, не находя того, что ему было нужно, захватил седельный пистолет, засунув его за пояс, и абордажный топор, которым стал размахивать.
После этого он осторожно открыл дверь мастерской, и армия вступила на подозрительную территорию.
Когда мы очутились посреди обширной комнаты, заставленной бесконечными холстами, мебелью, странными и неожиданными предметами, Сориель объявил нам:
— Я назначаю себя генералом. Будем держать военный совет. Ты, кирасирский отряд, отрежешь отступление неприятелю, то есть запрешь дверь на ключ. Ты, отряд гренадер, будешь моим эскортом.
Я выполнил приказ, а затем присоединился к главным силам армии, совершавшим рекогносцировку.
В ту минуту, когда я их настиг, за высокой ширмой раздался страшный шум. Я бросился вперед, держа в руке свечу, Ле Пуатвен только что пронзил штыком грудь одного манекена, а Сориель рубил ему топором голову. Когда ошибка обнаружилась, генерал скомандовал: «Будем осторожны», — и военные действия возобновились.

Минут двадцать по крайней мере мы безуспешно обшаривали все углы и закоулки мастерской, когда Ле Пуатвену вздумалось открыть огромный шкаф. Он был темен и глубок; я вытянул руку, в которой держал свечу, и отступил в изумлении: там стоял и смотрел на меня какой-то человек, живой человек.

Я немедленно запер шкаф двойным поворотом ключа, и мы снова устроили совет.

Мнения разделились. Сориель хотел поджечь вора, Ле Пуатвен говорил о том, чтобы взять его голодом. Я предлагал взорвать шкаф порохом.

Мнение Ле Пуатвена одержало верх, и пока он стоял на карауле с ружьем, мы отправились за остатками пунша и за нашими трубками; затем уселись перед запертою дверью и выпили за здоровье пленного.

Спустя полчаса Сориель сказал:

— Была не была, мне хочется увидеть его вблизи. Не взять ли нам его силой?

Я крикнул: «Браво!» Каждый схватился за свое оружие, шкаф отперли, и Сориель, с незаряженным пистолетом в руке, первый бросился вперед.

Мы последовали за ним с громким воем. В темноте поднялась ужасная драка, и после пяти минут невероятной борьбы мы вытащили на свет старого грабителя, седого, грязного и в лохмотьях.

Ему связали руки и ноги, затем его посадили в кресло. Он не произнес ни слова.

Сориель обратился к нам с пьяной торжественностью:

— Теперь мы будем судить этого негодяя.

Я был настолько пьян, что это предложение мне показалось вполне естественным.

Ле Пуатвену было поручено представлять защиту, а мне — поддерживать обвинение.

Он был приговорен к смерти единогласно, за исключением голоса его защитника.

— Мы сейчас же казним его! — сказал Сориель. Однако на него напало сомнение: — Да нет, нельзя ему умереть, он должен получить поддержку религии. Не позвать ли нам священника?

Я возражал, говорил, что уже поздно. Сориель предложил выполнить эту обязанность мне самому и призвал преступника исповедаться мне.
Человек этот минут пять вращал испуганными глазами, спрашивая себя, с кем же он имеет дело. Затем произнес глухим голосом пьяницы:
— Вы, конечно, шутите.
Но Сориель силой поставил его на колени и, опасаясь, что родители оставили его некрещеным, вылил ему на голову стакан рому.
Затем он сказал:
— Исповедуйся этому господину; твой последний час пробил.
Старый негодяй, обезумев, завопил: «Помогите!» — и так отчаянно, что пришлось завязать ему рот, чтобы он не разбудил соседей. Тогда он стал кататься по полу, брыкаясь, корчась, опрокидывая мебель, продырявливая холсты. В конце концов Сориель, потеряв терпение, крикнул:
— Прикончим его!
И, прицелясь в лежавшего на полу бродягу, нажал спуск пистолета. Собачка щелкнула с легким сухим стуком. Увлеченный примером, я также выстрелил. Мое кремневое ружье выбросило искру, которая меня удивила.
И тут Ле Пуатвен выразительно произнес следующие слова:
— А имеем ли мы на самом деле право убивать этого человека?
Сориель, пораженный, ответил:
— Да ведь мы же приговорили его к смерти!
Но Ле Пуатвен возразил:
— Штатских не расстреливают; его надо передать палачу. Отведем-ка его на гауптвахту.
Довод показался нам убедительным. Человека подняли, а так как он не мог идти, его положили на доску от стола для моделей и крепко привязали к ней; я понес его с Ле Пуатвеном, а Сориель, вооруженный до зубов, замыкал шествие.
Перед гауптвахтой нас остановил часовой. Вызванный дежурный офицер узнал нас. Он был ежедневным свидетелем наших шуток, проделок и невероятных выходок, а потому лишь расхохотался и отказал в приеме нашего пленника.

Сориель попробовал настаивать, но офицер строго предложил нам вернуться домой и не шуметь.
Отряд пустился в путь и возвратился в мастерскую.
— Что же мы будем делать с нашим вором? — спросил я.
Ле Пуатвен, растрогавшись, уверял, что этот человек, наверно, страшно утомился. В самом деле, с завязанным ртом и прикрученный к доске, он был похож на умирающего.
Я в свою очередь почувствовал к нему щемящую жалость, жалость пьяницы, и, вынув у него изо рта затычку, спросил:
— Ну, старина, как дела?
Он простонал:
— Довольно с меня, наконец, черт побери!
Тогда Сориель поступил по-отечески. Он развязал все веревки, усадил его, заговорил с ним на «ты». Мы решили подкрепить его и живо принялись втроем готовить новый пунш. Вор глядел на нас, спокойно сидя в кресле. Когда напиток был готов, ему протянули стакан, и все чокнулись.
Пленный пил, словно целый полк. Но так как начинало светать, то он встал и с полным спокойствием произнес:
— Я принужден вас покинуть, мне надо вернуться домой.
Мы были в отчаянии, старались его удержать, но он отказался оставаться дольше.
Все мы пожали ему руку, а Сориель взял свечу, чтобы посветить в прихожей, и громко сказал:
— Будьте осторожны, в воротах ступенька.

Все слушатели хохотали. Рассказчик встал, закурил трубку и, повернувшись к нам, прибавил:
— Но самое смешное в моей истории то, что она — истинное происшествие.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 21 января 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.
Эпоху безумных шаржей. — Говорится о времени Июльской монархии (1830 — 1848), ознаменованном исключительным расцветом французской карикатуры.

Эжен Ле Пуатвен (1806 – 1870) – французский художник.
Пейзажист – художник Луи Ле Пуатвен (1847 – 1909), сын поэта Альфреда Ле Пуатвена, кузен Мопассана.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994
Перевод А.Н. Чеботаревской. Hekaýalar